

Нина Леонидовна Васильева

**Агрессивные желания как
результат эдипальных фантазий**

Мальчик был очень трогательный: «Здравствуйте», «До свидания», «Спасибо». Воспитанный, сдержанный в поведении, и это в пять-то лет! Зачем его, такого совершенного, привели к психотерапевту? Родители тоже считали, что незачем. Только приступы бронхиальной астмы вынудили их прислушаться к совету педиатра и прийти на прием к психотерапевту.

Несмотря на высокие способности мальчика, обнаруженные им в тесте на интеллект (обследование по методике Векслера), в игре на диагностических встречах Гриша полностью обратился к миру своих фантазий. Вот какой была вторая встреча с этим мальчиком. Гриша зашел в кабинет, вытащил из шкафа коробку с динозаврами и выстроил их в ряд. Затем Гриша достал из коробки резиновую лошадку и дал её мне, ничего не говоря. Я стала шагать лошадкой по ковру. Гриша взял динозавров и стал преследовать лошадку. Динозавры схватили лошадку и стали вырывать у неё гриву. Потом Гриша оторвал у неё по очереди все 4 ноги и отбросил лошадь в сторону.

Он сказал: Где еще лошадка? Видимо, Гриша с прошлого раза запомнил, что в коробке, действительно, была другая лошадь, запряженная в телегу. Гриша достал её и снова дал мне. Его динозавры напали и на эту лошадку. В этот раз они стали мочиться на лошадь. Затем испражняться в телегу, пока та не стала полной. Тогда они утопили лошадь в своих фекалиях. Вся последующая сессия было повторением того же самого сценария. Гриша убивал все новых и новых животных, явно наслаждаясь этим и поражая меня своим воображением. Каждый раз способ убийства был новым.

На следующей сессии Гриша вытащил из коробки семью мышей – фигурки, одетые как папа, мама, и четыре мышонка. Дети-мыши стали прыгать. Очень скоро их прыгание превратилось из безобидного в открыто агрессивное. Они прыгали на маму и на папу, сбивая их с ног.

Потом Гриша привел динозавров и с их помощью утащил папу в сторону. Затем мыши-дети раздели маму донага, положили в постель, легли на неё и стали давить. Они сказали нежным голосом: «А теперь мы сделаем тебе очень больно», - и стали выгрызать её живот,

возбужденно чавкая и что-то восклицая. «Это мы так маму любим», сказал Гриша. В конце концов, дети-мыши убили маму и выбросили её.

В этом клиническом материале ребёнок-пациент выпукло и ярко иллюстрирует тему моего сегодняшнего доклада. Впрочем, сначала немного теории. В словаре 2012 г. «Психоаналитические термины и концепции» (Auchincloss E.L, Samberg, E.) дается такое определение: «Агрессия - это желание покорить, подчинить, принести вред или разрушить других, и выражение любых из этих желаний в действии, словах или фантазиях. Агрессия существует как континуум, от чувства лёгкого раздражения до интенсивного яростного гнева. В теории драйвов Фрейда агрессия и либидо рассматриваются как первичные драйвы, как и первичные мотиваторы человеческого поведения.

На терапевтических сессиях мы рано или поздно сталкиваемся с агрессивными проявлениями пациентов. В чем же основа этих клинических явлений, как они проявляются и от чего зависит их возникновение?

В литературе мы встречаемся с разными точками зрения, среди них: опыт нарциссической травмы, ведущий к негодованию и мысли о мести (Rothstein, 1977, Weintrobe, 2004), сложные защитные организации и убежища (Steiner, 1993, 1996), садомазохистическая атака на объект и на аналитический процесс (Joseph, 1982). Однако все эти точки зрения, на мой взгляд, все равно ведут к вопросу: а что же является основой для возникновения и проявления интенсивной и неотрегулированной агрессии?

Ряд авторов признают треугольную природу возникновения и проявления агрессии, и считают, что пациент продуцирует фантазии, имеющие несомненную эдипальную основу.

Так, в статье 2006 года Люси ЛаФарж (LaFarge, 2006) утверждала, что стремление к мести возникает из чувства эдипального поражения, из утраты любимого объекта, доставшегося сопернику. В попытке защитить себя от ненавистной ему реальности, несущей в себе угрозу погрузить его в чувство зависти и

ревности, тревоги и вины, человек создает набор фантазий, выражающих ранние эдипальные желания.

В статье 2008 г. Майкл Фельдман утверждает, что состояния хронической обиды у пациентов имеют эдипальную основу (Feldman, M., 2008). Он предполагает, что в обиде пациента содержится его страх и ненависть к реальности, в частности, к реальности эдиповой ситуации.

В своем докладе я хочу продолжить эту линию размышлений об агрессии как результате эдипальной конфигурации.

Нарциссическую травму эдипова комплекса проживает каждый ребёнок. Переживание исключенности, собственной ненужности, ощущение предательства от любимого человека – вот с какими чувствами сталкивается любой ребёнок, обнаруживший существование родительской пары (Britton, 1989; Freud S, 1914)

Этот тезис З. Фрейда поддерживала и М. Кляйн, но она в своих работах показала, что классический эдипов комплекс, – это не начало переживаний ребёнком треугольных отношений. Кляйн описывала очень ранние пугающие фантазии ребёнка, которые отражают интенсивность чувств на ранних стадиях развития (Hinshelwood, 1991).

Позвольте мне привести довольно обширную цитату из статьи Мелани Кляйн 1952 года (Klein, M., 1952)

Кляйн пишет:

«Фантазия родителей как единой фигуры - это одна из фантазийных форм, характерных для самых ранних стадий Эдипова комплекса... Фантазия объединенных родителей черпает силу из такого элемента ранней эмоциональной жизни как сильная зависть, связанная с фрустрированными оральными желаниями. ... В психике ребенка, когда он фрустрирован (или неудовлетворен по внутренним причинам), его фрустрация сочетается с ощущением, что какой-то другой объект (который

быстро оказывается представлен отцом) получает от матери желанное удовлетворение и любовь, в которой ему в этот момент отказывают. Вот один из корней фантазии о том, что родители объединены в вечном взаимном удовлетворении орального, анального и генитального характера. И это, на мой взгляд, прообраз ситуаций как зависти, так и ревности.»

(Klein, M. 1952, 54-55)

Тут М. Кляйн показывает, что ранние пре-эдипальные в классическом понимании отношения с родителями уже насыщены сильными чувствами как любви, так и негодования и гнева.

В отличие от Фрейда М. Кляйн считала, что любовь и ненависть присутствуют с самого начала и всегда встроены в объектные отношения. С первого дня взаимодействия с матерью младенцы видят в ней то хороший, то плохой объект, в зависимости от того, удовлетворяет ли мать его потребности или нет. И агрессия по Кляйн всегда связана с эдипальными фантазиями.

Вопрос – все ли агрессивные фантазии возникают как следствие неразрешенной эдипальной ситуации или являются следствием более ранних нарушенных отношений с матерью? Возможно, эдипальные фантазии с большей или меньшей степенью жестокости возникают у всех детей, во всех случаях развития, но достаточно хорошая мать смягчает агрессию и дает чувство безопасности.

В тех случаях, когда есть какие-то сложности или проблемы в отношениях с матерью, способность справляться с тревогой по поводу своих агрессивных желаний может быть меньше. Это повышает чувствительность к отвержению.

В силу этого, возникает благоприятная почва для развития агрессивных чувств и их проявлений. Это не значит, что у более благополучных детей нет агрессивных инстинктов/чувств, но у них выше способность использовать эти чувства конструктивно.

Например, у мальчиков идентификация с отцом ведет к желанию с ним соревноваться и за счет этого развиваться. В случае, когда чувство безопасности и уверенности в принятии себя низкое, свои агрессивные чувства ребенку труднее контролировать, и такой ребенок может испытывать захлестывающие чувства гнева и враждебности. Эти чувства могут пугать ребенка, настолько, что он может развить соматические или невротические симптомы, чтобы остановить себя и не допустить проявления агрессии. Это, однако, не убирает этих чувств: гнев и враждебность все равно остаются внутри. И на психоаналитических сессиях это можно увидеть.

Из материала приведенной диагностической сессии видно, что в игре Гриша обратился к фантазиям всемогущества, которые он переживал с большой интенсивностью. В своем мире он был всемогущ: он делал всё, что хотел, ничего не боялся и убивал своих обидчиков.

В то же время в жизни этот мальчик был совсем не таким. В своем реальном окружении Гриша был испуганным ребенком, прятаясь за спину мамы. Когда я говорила в конце сессии, что закончилось время, Гриша мгновенно прерывал игру и начинал убирать игрушки. Такое безропотное подчинение выдавало проблемы Гриши в его контактах с миром взрослых, его страх быть самой собой. Он полностью соответствовал представлениям взрослых об идеальном ребенке, не давая себе права иметь свои желания и свое мнение. Внутреннее напряжение и гнев осознаны им не были, а потому и выражены в поведении или в словах быть не могли. Они выражались только в астматических приступах. Своими симптомами Гриша «защищал» и себя, и свою мать от своей агрессивности.

Начало анализа было отмечено интенсивными садистическими играми. Гриша мог взять зайца, попрыгать им немного, а затем заживо закопать в землю. Или он брал динозавра, который принимался сражаться с другими зверями и, казалось, сможет выиграть, но тут Гриша жарил этого динозавра на сковороде, выбрасывал и брал, например, гориллу. Очень скоро Гриша взрывал гориллу так, что она разлеталась на мелкие куски, и так далее. Его агрессивные желания в игре принимали конкретную форму: он заставлял персонажей

поедать свои собственные тела, свои собственные фекалии, пока они не умирали; он пытал их, отрубал головы, отрезал части тела. Можно было видеть много фантазий, связанных с первичной сценой. В каждой игре того времени моих героев били, убивали, обманывали, заставляли чувствовать полную беспомощность.

Моими контрпереносными чувствами были переживания никчемности, раздавленности и насилия. Вероятно, они являлись отражением собственных чувств самого Гриши. Гриша дал мне роль своего детского «Я», ощущавшего безнадежность. Для Гриши было важно, что он мог выразить свои необработанные чувства. Справляясь со своими чувствами, я помогала Грише принять его собственные страхи и агрессию.

В игре Гриши не было ни сочувствия, ни заботы, ни взаимопомощи. Это продолжалось из сессии в сессию 3 раза в неделю на протяжении 4-х месяцев без всяких изменений или намека на то, что может быть иначе. Именно поэтому сессия, на которой впервые появились признаки взаимоотношений, явилась знаменательной.

Сессия № 44

По обычному сценарию, Гриша атаковал Гориллой моего Динозавра, и стал бить его об пол, вынуждая Динозавра спрятаться, но при этом не давая ему никакого шанса на это. Когда Динозавру все-таки удавалось вырваться, Горилла везде находил его и каждый раз устраивал еще более сильную взбучку. Так прошло некоторое время. В конце концов, я устала и поставила Динозавра на игрушечный диван.

А. (от имени Динозавра). У меня больше нет сил. Я должен немного отдохнуть.

Г. (от имени Гориллы). Немедленно уходи отсюда! (Горилла при этом сильно бьет Динозавра).

Через мгновение:

Г. (от имени Гориллы) Иди лучше вон на тот стол. Ты можешь отдохнуть там. (Это был первый случай, когда в игре Гриша проявил сочувствие!)

А. (от имени Динозавра) Спасибо. Тогда я пойду отдыхать на стол. (Динозавр перебрался на стол).

Г. (от имени Гориллы) Нет, уходи отсюда! Это мой стол! Я буду жить под столом.
 А. А мы не можем поместиться оба? Ты будешь жить под столом, а я буду жить наверху.
 Гриша положил Гориллу под стол, не тронул Динозавра. (Примечательно, что он впервые не стукнул Динозавра, как делал это обычно, при любом взаимодействии этих персонажей).
 Г. (от имени Гориллы) Убери свой хвост, он мне мешает!
 А. (от имени Динозавра). У меня и вправду очень длинный хвост. Мне некуда его убрать.
 Г. Тогда я его оторву!
 (Впервые за все время Гриша заместил действие словами!)
 А. (от имени Динозавра). Ох, не надо! Это мой хвост, и он мне очень нужен.
 Г. Ну, тогда уходи отсюда.
 А. (от имени Динозавра) Как хорошо, что ты предупредил меня и оставил мой хвост мне. Я перейду на диван.
 Динозавр и Горилла некоторое время спокойно сидят, каждый на своем месте (Такая ситуация была из ряда вон выходящей для Гришиных игр того периода!).
 Г. Ну, что ты там делаешь?
 А. (от имени Динозавра). Я сижу на диване.
 Г. (от имени Гориллы) А я собираюсь построить себе дом. Будешь со мной?
 А. (от имени Динозавра) Буду.
 Впервые произошла совместная деятельность, без агрессии и нападений.

Эта сессия положила начало диалогу между Гришиным Гориллой и моим Динозавром. Эти два персонажа учились быть рядом и выручать друг друга в трудных ситуациях. В конце концов, Гриша сумел найти мир любви, который укрощал агрессивно-садистические импульсы. Его страх воображаемого отца и ненависть к нему уменьшились. Важно отметить, что приступы астмы к этому времени прекратились, и педиатр снял его с учета, так как риска возобновления астмы больше не было.

Итак, в заключение обобщим сказанное: задержка Гриши в социально-эмоциональном развитии была обусловлена неразрешенным эдиповым конфликтом. Потребовалось время и совместная работа с аналитиком, сумевшим понять тревогу, лежащую в основе его агрессии. В этой совместной работе Гриша смог соприкоснуться с болезненными чувствами, пережить их и получить лучшее понимание

самого себя, а также найти новые способы взаимоотношений с внешним миром. Это привело к уменьшению его психической напряженности и использованию психических, а не соматических каналов для выражения эмоций.

После анализа Гриша стал более сочувствующим, способным к эмпатии как по отношению к себе, так и к другим. Говоря об этом в кляйнианской парадигме, можно сказать, что он стал функционировать в депрессивной позиции, т.е. он смог жить не в примитивном мире, где все враги, а сам он жертва, а в мире, где и он сам, и другие имеют как положительные, так и отрицательные качества. Анализ помог Грише справиться с препятствиями в виде агрессии в его личностном развитии.

Теперь я расскажу о своей работе со взрослой пациенткой, которая тоже иллюстрирует эту тему.
 Пациентка, назовем ее Ольга, 39 лет, замужем, дочь 14 лет, Ольга имеет высшее техническое образование, но по специальности никогда не работала. Домохозяйка.
 Обратилась в связи с появившимся ощущением, что «не справляется с жизнью». Недавно её выбрали в родительский комитет класса, где учится её дочь. Необходимость делать покупки от имени класса вызвала очень большое повышение тревоги у Ольги. Например, покупка букета цветов превращалась для неё в настоящее мучение. Она постоянно думала о необходимости купить эти цветы. «Постоянное думание» (как она это называла) всегда было её особенностью, но сейчас это стало просто невыносимым: любая мысль становилась навязчивой, и она снова и снова думала её, пока это не превращалась в настоящую «жвачку», в нечто выхолащенное и пустое.

Ольга выросла в полной семье, в военном городке, где служил её отец. В начале терапии она описывала свои ранние детские годы как прекрасные и беспроблемные. В ходе терапии выяснилось, что за романтическим взглядом на её ранние годы и идеализированной версией её отношений с родителями стоят обида и гнев. Она вспомнила, что в детстве была обижена на родителей, считала, что они занимаются только собой, а к ней были недостаточно внимательны. Она не

раз говорила о том, как несправедливо было им подвергать её таким страданиям, боли или разочарованиям.

В настоящем времени она постоянно оказывалась в ситуациях, где она чувствовала себя лишней и ненужной. Когда они были вдвоём с мужем, то она чувствовала себя нормально, но вот когда вместе собирались он, она и дочь, то муж начинал дурачиться и вести себя по-мальчишески. Это очень нравилось дочери, она смеялась, и оба они очень веселились. Им было весело, а Ольга чувствовала себя исключённой из их компании и была очень этим недовольна. Много страдания также приносили ей приезды в гости её родителей (они живут в другом городе). Например, папа признаёт еду, приготовленную только на сливочном масле. И мама для него всегда так готовит. Когда они приезжают в гости к Ольге, то приготовленная ею еда становится ненужной. Мама начинает готовить вместо Ольги, и таким образом становится хозяйкой. Пациентка говорит о том, что она опять же чувствует себя исключённой и отвергнутой.

На сессиях она часто требовала от меня, чтобы я признала горькую несправедливость того, как с ней обращались. Когда же она столкнулась с моей нейтральностью, она сначала стала требовать от меня, чтобы я её поддерживала, а потом растерялась и испугалась, и я стала объектом её возмущения: я не понимаю её, я лишаю её чего-то ценного и, как когда-то её родители, все отбираю у неё жестоким образом. В этом можно было увидеть зависть к имеющемуся у психоаналитика «сливочному маслу», которое признается мужчинами, желается ими - то есть папой. Сливочное масло несет в себе и признаки чувственности, сексуальности, эмоциональности. Все свои живые интерпретации аналитик «готовит» на этой живой основе. В терапии Ольга часто жаловалась на то, что я думаю «о чем-то своем», не обращая внимания на неё. «Как вы можете не давать мне советов, когда я прошу их у вас? Похоже, вы думаете о чем-то своем, а совсем не обо мне».

Здесь мы видим, что пациентка нападает на способность аналитика иметь свою собственную точку зрения, свой собственный образ мыслей.

Эти повторяющиеся жалобы и требования пациентки вызвали во мне чувство беспомощности и отчаяния. Это было давление на меня для того, чтобы я изменила свой способ работы. Порой я сомневалась вместе с Ольгой, что аналитическое понимание уместно в этом случае и может быть ей полезно. Мне требовалась большая внутренняя работа, чтобы не дать втянуть себя в повторные проигрывания.

Что ещё стало очевидным в ходе терапии – это удовлетворение, которое Ольга получала от роли обиженной и отвергнутой фигуры. Она являлась объектом садистических атак, но в то же время наслаждалась собственными яркими садистическими фантазиями. Возбуждение, которое она от этого испытывала, ее пугало, и она от него уходила в мир всемогущества.

Приведу в пример такое её сновидение: «Она приходит гости к какой-то важной персоне, ходит по комнатам и видит красивую шкатулку. В этой шкатулке находятся драгоценности, очень красивые кольца и броши. Она смотрит на них и сначала не понимает, кому они принадлежат: хозяйке или ей самой. Потом вдруг приходит полное ощущение, что эти драгоценности – её собственность. Она тогда берет эту шкатулку и уносит её».

Из этого сновидения видно, что она чувствовала себя обладательницей чего-то очень ценного (возможно, моих мыслей и моих терапевтических знаний), только приобретенные они были необычным способом, как бы украдены ею. Мы также видим здесь смешанность её идентификации: чьи драгоценности - её или мои?

В этом сне отражается то, как пациентке жизненно важно защищаться от угрозы чувствовать себя маленькой, пустой и исключённой, с психикой и телом, в которых что-то глубоко неладно. Если она чувствовала, что её аналитик не хочет поддерживать эту систему, она сердилась и обижалась.

Она постоянно сражалась со мной. Аналитик в переносе представляла собой родителей, угрожающих отомстить ей, отобрать у неё обратно то ценное, что у неё было, при этом она никогда не чувствовала, что она приобрела это законным образом. Её собственные чувства негодования служили отчасти тому, чтобы

защитить её в этой драматической ситуации. Я думаю, что существенные ограничения мышления этой пациентки как в анализе, так и в её жизни за стенами кабинета, были связаны с тем, что она стремилась сохранить фантазию о своем всемогуществе, неустанно нападая на объект, который воплощает эдипальную пару. Думаю, что она считала, что именно эта пара не позволяет ей достичь желаемого.

Как и в случае с Гришей, было очень сложно справляться с неотрегулированной агрессией пациентки. У меня часто было чувство, что я не смогу ей помочь. Справляться с этой проективной идентификацией было очень непросто.

Терапия этой пациентки продолжается, но уже можно увидеть некоторые существенные изменения: так, ее мысли перестали быть постоянной жвачкой, в них появилась большая свобода эмоций и разнообразие тем: в них уже есть не только обида, но и интерес к другим людям, и даже сострадание. Возможно, моя способность контейнировать, не возвращая ей ее агрессию, помогает ей принять себя и позволить себе принять другого, в данном случае меня с моими мыслями, отличными от ее.

Идея проработанного эдипова конфликта у Фрейда описана как признание отдельных отношений между отцом и матерью без того, чтобы чувствовать себя обиженным (Freud, 1914). Мелани Кляйн, как и Фрейд, считала, что симптомы являются заместителями неприемлемых чувств. В частности, механизмы навязчивости направлены на то, чтобы справляться с агрессивностью (Кляйн, 1929).

Когда агрессивность оказывается укрощена, у пациентов появляется способность и желание исправить тот вред, который они причинили в реальности или в воображении, то есть, по выражению Кляйн, появляется способность к восстановлению, репарации. Важным результатом психотерапии этой взрослой пациентки, как и в случае с пациентом-ребенком, является достижение ими депрессивной позиции.

Итак, в этом докладе я хотела сказать, что с переживаниями исключенности и ненужности сталкивается каждый человек в процессе своего личностного развития. Если эти переживания не

компенсируются более положительным опытом отношений с первичным объектом – матерью – то это вызывает агрессивные чувства. Защиты от тревоги, вызванной собственной агрессивностью, выражаются в фантазиях. Это могут быть, в частности, фантазии всемогущества или фантазии несправедливости, как в приведенных клинических примерах. Таким образом, неразрешенный эдипов конфликт оставляет человека жить в мире фантазий, не давая ему осваивать реальность, и таким образом мешает развитию личности, а иногда приводит к возникновению симптомов. Внутренняя драма, переживаемая пациентами, разыгрывается теперь в психоаналитическом кабинете. Пациент переносит на аналитика все эти чувства и подвергает его, как в случае моих пациентов, разнообразным атакам.

За счет понимания тревоги пациента и принятия его уменьшается количество агрессивных чувств. У пациента появляется возможность видеть мир многомерным, а не разделенным на плохое и хорошее. Сколь бы трудной и долгой ни была терапия, в результате ее, как правило, возникает большая свобода в фантазиях, мыслях, чувствах и в реальных отношениях пациента.

Литература

- Auchincloss EL and Samberg E (2012) Psychoanalytic Terms and Concepts. In (2016). PEP Consolidated Psychoanalytic Glossary.
- Britton R (1989) The missing link: Parental sexuality in the Oedipus complex. In: Steiner J, editor: The Oedipus complex today, 83-101. London: Karnac, 1989.
- Feldman M (2008) Grievance: The Underlying Oedipal Configuration. *Int. J. Psycho-Anal.*, 89(4):743-758.
- Freud S (1914) On narcissism. *Standard Edition* 14, 67-102.
- Hinshelwood RD (1991) A Dictionary of Kleinian Thought. In (2016) PEP Consolidated Psychoanalytic Glossary
- Joseph B (1982) Addiction to near-death. *Int. J. Psycho-Anal.* 63:449-56. Reprinted in: Bott Spillius E, editor. *Melanie Klein today*, vol. 1, 311-23. London: Routledge, 1988.

Klein M (1952) The origins of transference. *Int. J. Psycho-Anal.* 33:433-38. Reprinted in: *The writings of Melanie Klein*, vol. 3, 48-56. London: Hogarth, 1975.
LaFarge L (2006) The wish for revenge. *Psychoanal. Q.* 75:447-75.
Rothstein A (1977) The ego attitude of entitlement. *Int. Rev. Psycho-Anal.* 4:409-17.

Steiner J (1993) Revenge, resentment, remorse and reparation. In: *Psychic retreats*, 74-87. London: Routledge.
Steiner J (1996) Revenge and resentment in the 'Oedipus situation'. *Int. J. Psycho-Anal.* 77:433-43.
Weintrobe S (2004) Links between grievance, complaint and different forms of entitlement. *Int. J. Psycho-Anal.* 85:83-96.

Нина Леонидовна Васильева
Докт. Психол. Наук, СПбГУ

Dr. Nina Vasilyeva
St. Petersburg State University, Professor,
IPA direct member

EFPP Psychoanalytic Psychotherapy Review

Editor in Chief	Gila Ofer, PhD
Editor	Peter-Christian Miest, lic. phil.
Editorial Board	Pierre Benghozi, MD · Athena Chatjoulis, PhD
Associate Editors	Mário David · Maria Teresa Díez Grieser, PhD · Åke Granberg, PhD · Taras Levin · Glòria Mateu Vives, PhD · Manuela Porto, MD · Tatjana Pushkarova †, MD, prof · Ulrich Schultz-Venrath, Prof. Dr. med. · Eileen Katarzyna Skrzypek · Michael Stasch, Dipl.Psych.

The EFPP Psychoanalytic Psychotherapy Review is published under an **open access Creative Commons license** (CC-BY). Under the terms of this license, authors retain ownership of the copyright of their articles. However, the license permits any user to download, print out, extract, reuse, archive, and distribute the article, so long as appropriate credit is given to the authors and source of the work. The license ensures that the authors' article will be available as widely as possible and that the article can be included in any scientific archive.